Русский космизм в культурном пространстве России

Статья посвящена наметившимся тенденциям в изменении образа русского космизма в отечественной культуре. Культурный феномен русского космизма был осознан спустя десятилетия после замалчивания, поскольку творческая деятельность наиболее значительных мыслителей-космистов приходится на последние десятилетия XIX – первые десятилетия XX в. Формирование понятия «русский космизм» в отечественной философии и науке приходится на 1960–1980-е гг., когда представление В. И. Вернадского о ноосфере сближалось с коммунистическими идеалами будущего. В годы «перестройки» русский космизм обрел свой классический образ синкретичного мировоззрения, которое способно спасти человечество. Отечественная культура приняла в эти годы «русский космизм» не только благодаря экологическому дискурсу, но в первую очередь благодаря переоткрытию собственных культурных истоков и публикации сочинений отечественных философов-космистов, чьи идеи в советские годы вытеснялись из публичной сферы. В XXI в. благодаря стремительному развитию науки, информационных технологий и растущему авторитету технологических решений русский космизм в пространстве культуры предстает уже не столько учением о биосфере, которая переходит в ноосферу, сколько этико-философским обоснованием трансгуманизма. Идеи Н. Ф. Федорова в культурном пространстве России становятся все более влиятельными в сравнении с идеями В. И. Вернадского.

Ключевые слова: русский космизм, советская культура, культурный феномен, В. И. Вернадский, биосфера, ноосфера, Н. Ф. Федоров, трансгуманизм

Ilya Y. Alexandrov**Russian cosmism in the cultural space of Russia**

The article is devoted to the emerging trends in changing the image of Russian cosmism in Russian culture. The cultural phenomenon of Russian cosmism was realized decades after being hushed up, since the creative activity of the most significant thinkers-cosmists falls on the last decades of the 19th – first decades of 20th centuries. The formation of the concept of «Russian cosmism» in Soviet philosophy and science falls on the 1960–1980s, when V. I. Vernadsky's idea of the noosphere approached the communist ideals of the future. During the years of «perestroika», Russian cosmism acquired its classic image of a syncretic worldview that can save humanity. During these years, Russian culture adopted «Russian cosmism» not only due to environmental discourse, but primarily due to the rediscovery of its own cultural origins and the publication of works by Russian cosmist philosophers, whose ideas were pushed out of the public sphere in the Soviet years. In the 21st century, thanks to the rapid development of science, information technology and the growing authority of technological solutions, Russian cosmism in the cultural space is no longer so much a teaching of the biosphere, which is turning into the noosphere, as an ethical and philosophical justification of transhumanism. The ideas of N. F. Fedorov in the cultural space of Russia are becoming more and more influential in comparison with the ideas of V. I. Vernadsky.

Keywords: Russian cosmism, soviet culture, cultural phenomenon, V. I. Vernadsky, biosphere, noosphere, N. F. Fedorov, transhumanism

DOI 10.30725/2619-0303-2021-1-6-11

В последние годы в культурном пространстве России вновь заметен интерес к идеям русских космистов. В этой статье будут рассмотрены некоторые тенденции в изменениях образа русского космизма в отечественной культуре. Наличие этого направления философии впервые зафиксировано было в статье Р. А. Гальцевой «Вернадский» в Дополнениях к пятому тому Философской энциклопедии [1], которая вышла в свет в 1970 г. Русский космизм, если под ним понимать нравственное синкретичное

мировоззрение, претендующее на обладание спасительными для всего человечества универсальными знаниями, является культурным феноменом периода горбачевской «перестройки», идеи мыслителей, которых принято относить к этой традиции, анализировались ранее без соотнесения с ней. Культурный феномен русского космизма уникален в том отношении, что осознан был спустя многие десятилетия после замалчивания, ведь творческий период наиболее значительных мыслителей-космистов

приходится на последние десятилетия XIX в. и первые два-три десятилетия XX в.

Устойчивой традиции русского космизма не существовало, на что одним из первых указал М. Хагемайстер [2, С. 11]. Воззрения крупных отечественных космистов весьма разнородны, специалисты в конкретных научных областях отмечают влияние идей того или иного мыслителя космиста, но невозможна общая научная школа с таким названием. Так К. Э. Циолковскому с его восходящим к теософии представлением о бессмертии «чувствующих атомов» была бы чужда идея всеобщего научного воскрешения, которая объединяет Н. Ф. Федорова и его последователей, чужда эта идея была бы и для В. И. Вернадского, отстаивавшего представление о принципиальном различии живого и косного вещества. Вульгарный материализм Федорова был бы чужд и А. Л. Чижевскому с его представлением об обусловленности земных явлений космическими факторами. Перечисленные мыслители не пытались связать свое научное мировоззрение с библейскими сюжетами, в то время как на специфических, отнюдь-таки не ортодоксально-христианских их трактовках основывается вся философия Федорова. Русский космизм после снятия идеологических ограничений получил признание в отечественной культуре на рубеже 80–90-х гг. XX в., вместе с тем космизм имеет в ней глубокие корни. Н. К. Гаврюшин начинает историю русского космизма с середины XVIII в., ряд исследователей полагает, что этот культурный феномен имел место уже в средневековой Руси. Чувство космичности жизни присуще любому народу, поэтому временные рамки русского космизма имеет смысл связывать с утверждением в науке и культуре идеи эволюции. Принцип цефализации – усовершенствования и роста нервной системы животных на протяжении по крайней мере двух миллиардов лет – был выдвинут Д. Дана еще до получившей мощнейший резонанс в культуре публикации в 1859 г. «Происхождения видов» Ч. Дарвина. С тех пор не прекращаются споры о том, является ли эволюция направленной. Вернадский, рассматривавший цефализацию в качестве важнейшего эмпирического обобщения, допускал, что «живое вещество, возможно, имеет и свой процесс эволюции, проявляющийся в изменении с ходом геологического времени, вне зависимости от изменения среды» [3, с. 185]. Многочисленные естественнонаучные концепции направленной эволюции оказали значительное влияние на формирование совокупных представлений, характеризующих русский космизм в целом. Космизм ориентирован на будущее, но образ

его, как и представление об эволюции, заметно различаются у последователей идей Вернадского и Федорова.

Понятие русского космизма вызревало в рамках круга участников проводимых в Калуге с середины 60-х гг. XX в. Научных чтений памяти К. Э. Циолковского. Принято было отмечать, что философы-марксисты опираются на прогрессивное содержание «космической философии» Циолковского, но при этом приходилось подчеркивать, что «не может и не должно существовать какой-то особой «космической философии», отличной от диалектического материализма, от тех вопросов, которыми он занимается» [4, с. 130]. В 1972 г. Н. К. Гаврюшин опубликовал статью «Из истории русского космизма» [5, с. 104–106], которая является первым исследованием с таким словосочетанием. Сам Гаврюшин позднее связывал формирование идеологии русского космизма с именами И. А. Кольченко, Л. В. Голованова и Ю. В. Бирюкова, которые опираясь на авторитет родоначальника отечественной космонавтики К. Э. Циолковского и невяно стоящий за исследованиями его наследия военно-промышленный комплекс, смогли на официальных научных конференциях обсуждать работы Н. Ф. Федорова, А. Л. Чижевского и других мыслителей, чьи идеи резонировали с идеями Циолковского. Многие постановки вопросов, которые обрели значительный резонанс только в годы «перестройки», обсуждались в 60-е гг. в книгах И. М. Забелина. В них рассмотрены существенные идеи Н. Ф. Федорова, Н. А. Сетницкого, К. Э. Циолковского, В. И. Вернадского, А. Л. Чижевского и Н. Г. Холодного наряду с идеями А. Гумбольдта, Т. де Шардена и некоторых других зарубежных мыслителей, чьи представления принято сопоставлять с близкими представлениями космистов отечественных. Советская культура с ее идеалами построения коммунизма и приоритета человека (в отличие экономоцентризма российских реалий XXI века!) была готова принять ноосферные представления Вернадского и созвучные им идеи, которые и ассоциировались с коммунистическим обществом.

Показательно, что, когда в середине 80-х гг. XX в. занимавшийся исследованиями наследия В. И. Вернадского Ф. И. Гиренок предложил одну из своих статей журналу «Вопросы философии», статью редакция отклонила под тем предлогом, что если существует космизм русский, то должен существовать, к примеру, космизм немецкий. В те годы существование русского космизма не было еще очевидно подавляющему большинству отечественных ученых и философов. В 1987 г. Ф. И. Гиренок опубликовал моногра-

фию «Экология. Цивилизация. Ноосфера», в которой связывал идеи ноосферы с традицией русского космизма. По мнению Гиренка, «в отличие от концепции Тейяра де Шардена истоки ноосферы русский космизм усматривает не в первичной структуре Вселенной, а в естественном усилии человека стать человеком» [6, с. 5]. В этой монографии Гиренка уже отчетливо выделен русский космизм как особое направление в отечественной философии: исследуются представления Н. Ф. Федорова, В. В. Докучаева, Н. И. Умова, К. Э. Циолковского, А. Л. Чижевского, В. И. Вернадского, Н. Г. Холодного. Нужно отметить, что Гиренок принципиально отделяет задачи русских космистов от задач представителей «религиозного возрождения» (Н. А. Бердяева, С. Л. Франка, Л. И. Шестова, С. Н. Булгакова). Речь шла о критическом отношении русских космистов к социально-технологическим решениям, основывающимся на утилизации природы, которые характерны для буржуазного общества. Согласно Гиренку, «русский космизм выдвигает проблемы, которые спустя столетие получат название „глобально-экологические“» [6, с. 169]. Три течения русского космизма: естественнонаучное, религиозно-философское и поэтико-художественное при всей своей специфике заняты поисками такого сознания, которое способно «удержать распадающийся человеческий мир» [6, с. 8]. Гиренок вышел на проблематику русского космизма от исследований современной экологической проблематики.

Представление о русском космизме закрепилось в научной литературе и в отечественной культуре во многом благодаря экологическому дискурсу. В работах академика Н. Н. Моисеева, своим авторитетом крупного ученого поддержавшего исследование Гиренка, русский космизм выступал в качестве экологического учения. Согласно Моисееву, «система взглядов, в которой Человек должен рассматриваться как частица некоторого единого целого, что он неотделим от окружающего мира, была всегда свойственная русскому естествознанию» [7, с. 18]. Моисеев ссылаясь, в частности, на исследования И. М. Сеченова, изучавшего человека в единстве его физиологии, психики и среды обитания. Тем самым русский космизм становился не только специфической характеристикой научного мировоззрения отечественных ученых, но обретал общекультурные черты. Учение об эволюции всего сущего influentialным стало в XIX в. после принятия культурным пространством идей Дарвина. Теперь же получалось, что сама русская культура характеризуется особым «умонастроением», согласно

которому человек не противостоит природе, но является ее неотделимой частью, ответственной за разумное развитие всего живого. Моисеев полагал, в атмосфере этого особого умонастроения русского космизма формировалось и старшее поколение советских ученых, в первую очередь речь о В. И. Вернадском, с помощью своих последователей (к ним Моисеев отнес Н. В. Тимофеева-Ресовского, В. Н. Сукачева и др.) определившим важнейшие исследовательские позиции советского естествознания. В годы горбачевской «перестройки» советская наука Н. Н. Моисееву представлялась чуть ли не «вернадскианской». Такая оценка выглядит преувеличенной, но очень характерной для культурного пространства тех лет.

В конце 1980-х – 1990-е гг. в пространстве отечественной культуры стали влиятельны экологические представления, восходящие к идеям В. И. Вернадского. В работах самого Вернадского речи еще не шло об экологическом кризисе, создатель биогеохимии очень оптимистично описывал переход биосферы в ноосферу, которая связана с разумной, осознанной жизнедеятельностью человека на планете. Н. Н. Моисеев, математически показав ужасающие последствия для человечества термоядерной войны, отмечал, что глобальная проблематика требует изучения биосферы как единого с человечеством организма, необходимы знания о предельных состояниях биосферы, переступить которые человечество не должно ни при каких обстоятельствах. В этом суть «экологического императива» Моисеева. В экологическом императиве преодолеваются противоречия естественнонаучной и гуманитарной культур. Отечественная культура 1990-х гг. находилась под влиянием идей холизма, органицизма и экологического императива. Экологическая проблематика тесно смыкалась с этической, осмысление космичности жизни связано было с поиском ее духовных основ и синкретичный русский космизм выступал в роли такой нравственной идеологии. Русский космизм стал своего рода альтернативой ортодоксальному православию: культура русская оставалась православной и после атеистических советских десятилетий, но вера многих людей в постсоветские годы уже не могла вернуться в дореволюционное состояние, она впитала в себя помимо различных эзотерических представлений плоды духовных и научных поисков авторитетных ученых, среди которых многие были репрессированы в сталинские годы. Космична, в широком понимании, вся наука, если она лишена упрощенных редукционистских объяснений. Мировоззренческие представления

ученых, которые не могли получить широкого публичного резонанса, будучи зажаты рамками советской официальной философии, произвели своего рода взрыв в отечественной культуре «перестроечных» лет. За считанные месяцы и годы они были приняты многими, зачастую не подвергаясь критической рефлексии.

Русский космизм, с одной стороны, приветствовался в 1990-е гг. самой наукой – его влияние, в частности, усматривали в формировании принципа глобального эволюционизма. С другой – русский космизм выступал посредником между культурами Востока и Запада. Такой посреднической культурной роли космизма посвящены некоторые работы тех лет академика В. С. Степина. В. С. Степин и Л. Ф. Кузнецова подчеркивали «совпадение главных принципов философии космизма и многих фундаментальных идей современной научной картины мира и ее мировоззренческих выводов» [8, с. 242]. В своей концепции постнеклассической науки Степин утверждал, что современная наука перешла к исследованию исторически развивающихся «человекообразных» объектов. Концепция постнеклассической науки, требующей нравственных решений ученых, близка пониманию «общего дела» русских космистов, близка она и восточным представлениям о мире, в частности, традиционному китайскому принципу «у-вей», который, по словам Степина и Кузнецовой, «требовал почувствовать естественные ритмы природного мира и действовать в соответствии с ними, позволяя самой природе развертывать свои внутренние потенции и выбирать такие пути развития процессов, которые позволяют избежать катастрофических последствий и обеспечивают достижение человеческих целей» [8, с. 247]. Важнейшей составляющей постнеклассической науки являются синергетические представления. Е. Н. Князева и С. П. Курдюмов на языке синергетики показали, что действующий повсюду диссипативный (рассеивающий) фактор подобен ножу скульптора, который постепенно и целенаправленно отсеивает все лишнее от каменной глыбы. Хаос предстает в синергетических представлениях не злом, но силой, выводящей на аттрактор, на тенденцию самоструктурирования нелинейной среды. По мнению Е. Н. Князевой и С. П. Курдюмова, «эти результаты строгой науки поразительно близки с образом Огня в мире представлений „Агни-Йоги“» [9, с. 80]. Метафора «огня» из литературно-философского наследия Рерихов, который уничтожает ненужное ради созидания новых эволюционно более совершенных форм жизни, оказалась созвучной синергетическим представлениям. В 1990-е гг. русский

космизм – это синкретичное учение о живом, развивающемся космосе и человеке, жизнедеятельность которого согласована с естественными природными ритмами, человеке, своим внутренним духовным миром, преображающим все ветхое и отжившее.

Ноосфера как стадия развития биосферы, согласно Вернадскому, это частное проявление на нашей планете общекосмических законов, которые пока неизвестны науке, но ноосфера не есть техносфера. «Русские космисты считали, что в настоящее время человечество загипнотизировало себя заманчивой идеей технического прогресса и механической цивилизации, вместо того чтобы увероваться в более высокой цели мирового процесса – создания высшего бытия – космической красоты» [10, с. 56], – отмечал Е. П. Маточкин. Для посвященной русскому космизму научной литературы 1990-х гг. характерен возвышенный стиль, вера в спасительную силу красоты, которая присуща творчеству космистов и отечественной культуре в целом. Такая устремленность к переоткрытию своего духовного наследия теперь представляется чистой и наивной. Этот период усвоения идей отечественных космистов можно назвать «романтическим». Очевидно, что культурные реалии XXI в. иные, русский космизм теперь чаще связывают не с органицизмом, а с техницизмом, цифровизацией и стремлением обрести «кибернетическое бессмертие». Русский космизм все чаще оказывается в одной смычке с трансгуманизмом. При помощи очень упрощенной схемы русский космизм представлен в монографии И. Д. Демина: «Если новоевропейский «технократизм» – это «тезис», а экологизм и постмодернизм – это «антитезис», то космизм и трансгуманизм следует признать в качестве синтеза» [11, с. 191]. В монографии И. Д. Демина рассмотрены только русские космисты, которые являются последователями идей Н. Ф. Федорова, при этом их воззрения максимально сближаются с трансгуманистическими. Развитие науки независимо от власти. Вернадская наука, учитывающая всевозможные космические влияния на каждый земной процесс, требует финансовых вложений, которые не имеют явных экономических выгод. Политической элите нужны не абстрактные одухотворенные знания, но контроль за материальными процессами, здоровьем людей, их поведением.

В 2017 г. в нашей стране появилось Русское космическое общество, позиционирующее себя собранием людей, «объединившихся в особый период развития России и всей цивилизации Земли, с целью создания условий перехода человечества в эпоху его ноосферно-космической

истории» [12]. Среди книг, которые были изданы этой организацией, обращает на себя внимание предназначенная для старшеклассников книга о русском космизме Е. Е. Звоновой и Е. С. Махорты. Что внушают детям авторы этой книги? Вместо выдвигавшегося в 1990-е гг. Н. Н. Моисеевым, В. П. Казначеевым, В. С. Степиным, С. П. Курдюмовым и другими крупными учеными идеала согласования жизнедеятельности людей на планете с природными ритмами в книге сказано о необходимости «вмешательства в природные процессы, руководствуясь идеалами космизма» и желательности «преобразовать человеческую телесность так, чтобы обрести независимость от природы» [13, с. 109]. Философов-космистов авторы книги называют «трансгуманистами до трансгуманизма» [13, с. 104], «трансгуманистами с человеческим лицом» [13, с. 106]. Концепция «активного христианства» Н. Ф. Федорова, т. е. идеал научной победы над смертью, иллюстрируется Е. Е. Звоновой и Е. С. Махорты с помощью картинки, на которой программист «переписывает программу мира» [13, с. 14]. Федоровцы пропагандируют специфические идеи Н. Ф. Федорова как идеи «родоначальника русского космизма», стремятся представить других космистов как испытавших его влияние, в целях эффективной пропаганды позиционируют свои воззрения как русский космизм в целом и вместе с тем как «активное христианство», но суть их учения трансгуманизм, который прячется за христианской терминологией.

Русский космизм в пространстве отечественной культуры в 60–80-х гг. XX в. прошел стадию формирования, на которой идеи «космической философии» К. Э. Циолковского и ноосферные представления Вернадского, а также ряд созвучных им представлений Н. Ф. Федорова, А. Л. Чижевского, Н. Г. Холодного и др. сближались с коммунистическими идеалами светлого будущего человечества. В годы «перестройки» русский космизм обрел свой классический образ «спасительного» для человечества синкретичного мировоззрения, впитав в себя характерное для русской культуры понимание спасительного общего дела и восходящее к Оригену представление о возвращении к Богу и спасении всех. Отечественная культура приняла в эти годы «русский космизм» не только благодаря экологическому дискурсу, но в первую очередь благодаря переоткрытию собственных культурных истоков и публикации сочинений отечественных философов-космистов, чьи идеи в советские годы вытеснялись из публичной сферы. В XXI в. благодаря стремительному развитию науки, информационных технологий и растущему авторитету технологи-

ческих решений русский космизм в пространстве культуры предстает уже не столько учением о биосфере, которая переходит в ноосферу и требует от человечества мудрых решений по поддержанию равновесия жизни на планете, сколько этико-философским обоснованием трансгуманизма или близких к трансгуманизму концепций будущего человечества, биологическая программа которого будет полностью исчислена и перепрограммирована на более «эффективную». Идеи Н. Ф. Федорова в культурном пространстве России становятся все более влиятельными в сравнении с идеями В. И. Вернадского.

Список литературы

1. Гальцева Р. А. Вернадский Владимир Иванович // Философская энциклопедия. М.: Совет. энцикл., 1970. Т. 5. С. 624–625.
2. Hagemester M. Nikolaj Fedorov. Studien zu Leben, Werk und Wirkung. München: Verl. Otto Sagner, 1989. 550 s.
3. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М.: Наука, 1989. 262 с.
4. Урсул А. Д., Школенко Ю. А. Человек и космос. М.: Политиздат, 1976. 140 с.
5. Гаврюшин Н. К. Из истории русского космизма. Калужский журнал «Уrania» 1804 г. // Труды V и VI чтений, посвященных разработке научного наследия и развитию идей К. Э. Циолковского. М., 1972. С. 104–106.
6. Гиренок Ф. И. Экология. Цивилизация. Ноосфера. М.: Наука, 1987. 182 с.
7. Моисеев Н. Н. Экология человечества глазами математика: (Человек, природа и будущее цивилизации). М.: Молодая гвардия, 1988. 254 с.
8. Степин В. С., Кузнецова Л. Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. М.: Ин-т философии РАН, 1994. 274 с.
9. Курдюмов С. П., Князева Е. Н. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. М.: Наука, 1994. 236 с.
10. Маточкин Е. П. Н. К. Рерих и русский космизм // Петербургский Рериховский сборник. СПб.: Изд-во Букковского, 1998. Вып. 1. С. 54–79.
11. Демин И. В. Русский космизм в перспективе трансгуманизма. Самара: Глагол, 2014. 208 с.
12. Русское космическое общество: офиц. сайт. URL: <https://cosmatica.org/about> (дата обращения: 31.01.2021).
13. Звонова Е. Е., Махорты Е. С. Русский космизм для старшеклассников и всех, кому интересно. СПб.: Астерион, 2020. 115 с.

References

1. Galtseva R. A. Vernadsky Vladimir Ivanovich. Philosophical encyclopedia. M.: Soviet encycl., 1970. 5, 624–625 (in Russ.).

2. Hagemeister M. Nikolaj Fedorov. Studien zu Leben, Werk und Wirkung. München: Verl. Otto Sagner, 1989. 550.
3. Vernadsky V. I. Biosphere and noosphere. M.: Nauka, 1989. 262 (in Russ.).
4. Ursul A. D., Shkolenko Yu. A. Man and space. M.: Politizdat, 1976. 140 (in Russ.).
5. Gavryushin N. K. From the history of Russian cosmism. Kaluga magazine «Urania» 1804. *Proceedings of the 5th and 6th Readings dedicated to the development of the scientific heritage and the development of the ideas of K. E. Tsiolkovsky*. M., 1972. 104–106 (in Russ.).
6. Girenok F. I. Ecology. Civilization. Noosphere. M.: Nauka, 1987. 182 (in Russ.).
7. Moiseev N. N. The ecology of humanity through the eyes of a mathematician: (Man, nature, and the future of civilization). M.: Molodaya gvardiya, 1988. 254 (in Russ.).
8. Stepin V. S., Kuznetsova L. F. Scientific picture of the world in the culture of technogenic civilization. M.: Inst. of philosophy RAS, 1994. 274 (in Russ.).
9. Kurdyumov S. P., Knyazeva E. N. The laws of evolution and self-organization of complex systems. M.: Nauka, 1994. 236 (in Russ.).
10. Matochkin E. P. N. K. Roerich and Russian cosmism. Petersburg Roerich collection. SPb.: Bukovsky Publ. house, 1998. 1, 54–79 (in Russ.).
11. Demin I. V. Russian cosmism in the perspective of transhumanism. Samara: Glagol, 2014. 208 (in Russ.).
12. Russian space society: website. URL: <https://cosmatica.org/about> (accessed: Jan.31.2021) (in Russ.).
13. Zvonova E. E., Makhortykh E. S. Russian cosmism for high school students and everyone who is interested. SPb.: Asterion, 2020. 115 (in Russ.).